

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

УДК: 811.161.1:801.73:94(47).05

Научная статья / Research article

Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история»)

О.И. Валентинова¹, Ван Лэлэ²

^{1,2}Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹valentinova-oi@rudn.ru

В статье анализируются особенности проявления категории образа автора в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» на примере характеристики царствования выдающегося российского монарха — Петра I, чье правление, резко изменившее поступательное развитие русской жизни, оказало крайне противоречивое влияние на судьбу Российской империи вплоть до ее распада в 1917 году. Цель работы — доказать, что интерпретация текста с позиций категории образа автора как сверхкатегории, выступающей как организующее начало и средоточие сущности текста, позволяет раскрыть внутреннее единство текста не только художественного, но и научного, особенно такого сложного и нетривиального, как труд В.О. Ключевского, обладающий высочайшей познавательной, этической и эстетической ценностью. В ходе исследования — в результате соотнесения авторского *я* с вводимым *я* содержанием и установления принципа отбора фактов, подвергнутых в книге В.О. Ключевского анализу, — эксплицируется прямо не сформулированный в труде историка научный метод, позволяющий реконструировать образ автора как образ исследователя. Наблюдение над особенностями линейного развития текста позволяет обнаружить способы закрепления смыслов, оценить степень их закреплённости, а значит, актуализации, вывести закрепляемые смыслы, установить их общую содержательную направленность и на этом основании реконструировать ценностно-этическую сторону образа автора. Экстраполяция понятия образа автора, разрабатываемого В.В. Виноградовым для системного анализа художественного текста, призванного установить особенности каждого условно выделяемого уровня текста и принцип согласования всех уровней между собой, на научные тексты позволяет существенно расширить наши представления о сфере применения системных методов анализа.

Ключевые слова: категория образа автора, научный текст, В.О. Ключевский, «Русская история»

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

© Валентинова О.И., Ван Л., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 15.07.2020

Для цитирования:

Валентинова О.И., Ван Лэлэ. Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 775—789. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

UDK: 811.161.1:801.73:94(47).05

Manifestation of the Author's Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky "Russian History")

Olga I. Valentinova¹, Wang Lele²

^{1,2}Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

6, Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

¹valentinova-oi@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the features of the manifestation of the category of the author's image in the work of V.O. Klyuchevsky's "Russian History" on the example of the characteristics of the reign of the outstanding Russian monarch — Peter I, whose reign, which dramatically changed the progressive development of Russian life, had an extremely contradictory influence on the fate of the Russian Empire until its collapse in 1917. The purpose of the work is to prove that the interpretation of the text from the standpoint of the category of the author's image, as a supercategory serving as the organizing principle and focus of the essence of the text, reveals the internal unity of the text, not only artistic but also scientific, especially as complex and non-trivial as V.O. Klyuchevsky, possessing the highest cognitive, ethical and aesthetic value. In the course of the study, as a result of correlation of the author's self with the content being introduced and the establishment of the principle of selecting facts exposed in the book by V.O. Klyuchevsky analysis, the scientific method that is not directly formulated in the historian's work is explicated, which allows reconstructing the author's image as the image of a researcher. Observation of the features of the linear development of the text makes it possible to discover ways of reinforcing meanings, to assess the degree of their fixation, and therefore, to actualize, derive fixed meanings, establish their general meaningful orientation and, on this basis, reconstruct the value-ethical side of the author's image. Extrapolation of the concept of the image of the author, developed by V.V. Vinogradov for a systematic analysis of a literary text, designed to establish the features of each conditionally distinguished level of the text and the principle of matching all levels with each other, into scientific texts can significantly expand our understanding of the scope of application of systematic methods of analysis.

Keywords: category of the author's image, scientific text, V.O. Klyuchevsky, "Russian History"

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 19-012-00014 «Reconstruction of the content of the conceptual fields of systemic linguistics».

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 15.07.2020

For citation:

Valentinova, O.I. & Wang, Lele. (2020). Manifestation of the Author's Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky "Russian History"). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 775—789. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

Введение

Категория образа автора разрабатывалась, как известно, в науке о языке художественной литературы, основания которой были заложены В.В. Виноградовым. Понимание категории образа автора как отражения «изобразителя в изображенном» идет от В.В. Виноградова [1. С. 113], но сама идея неразрывной связи субъекта мысли и познаваемого (изображенное и есть познаваемое) присутствовала в вершинных достижениях гуманитарной мысли и в иных формах выражения: текст — «плод от брака познающего автора и познаваемой реальности, в котором две разнородных энергии образуют неразрывное единство» [2. С. 282; 3. С. 174].

Размышляя над идеями В.В. Виноградова, профессор Л.А. Новиков писал: образ автора выступает одновременно и как «воплощение замысла писателя, и как аппарат исследователя» [4. С. 14—15]. Говоря иначе, образ автора представляет собой объект исследования как «концентрированное воплощение сути произведения», его «идейно-стилистическое средоточие», «фокус целого» [5. С. 118; 6. С. 24; 7. С. 253; 8. С. 203], и метод исследования этого объекта становится «наиболее адекватной категорией для постижения потока авторского сознания, для осуществления целостного всестороннего анализа текста» [9. С. 185; 10. С. 279].

Признавая самоочевидное, что «во всяком тексте есть субъект речи» [11. С. 48—49], а «самая способность изображать явления действительности без всякого отношения к самому себе — есть опять-таки выражение природы автора» [12. С. 56], будет верным полагать, что категория образа автора обладает высоким объяснительным потенциалом по отношению к текстам самой разной этиологии, а по отношению к научным текстам, особенно созданным выдающимися мыслителями в области гуманитарной науки, этот метод позволит в высокой степени достоверно эксплицировать смыслы, остающиеся не замеченными вне системного подхода.

В фокусе нашего внимания «Русская история» В.О. Ключевского (1841—1911), изданная в 1902 году. Эта книга, представляющая собой прочитанный в Московском университете курс лекций по истории России с древних времен до реформ Александра II, соединила XIX век — век исторической науки, время завершения оформления истории как научной дисциплины

плины и расцвета исторических школ, и начинающийся XX. Давая «новые ответы на старые вопросы» [13. С. 88], В.О. Ключевский утверждал новый метод в русской исторической науке, во многом полемичный концепциям Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева.

История — наука, особенно подверженная идеологизации, даже среди гуманитарных наук, испытывающих на себе наибольшее давление. Насколько удастся ученому освободиться от политического заказа, от внешних обстоятельств, от прямой и скрытой цензуры, устоявшихся стереотипов мысли и оценки тех или иных фактов? В преодолении или подчинении идеологизации проявляется *я* мыслителя, ученого. Так же, как оно проявляется и в принципе отбора фактов (исторических фактов, если речь идет об исторической науке), в способах (в том числе композиционных и языковых) их закрепления и интерпретации.

Особенности проявления образа автора в типе повествования от первого лица единственного числа

Сочинение историка, освещающего исторические факты и события и их внутреннюю взаимосвязь, представляет собой «общение повествующего субъекта (автора) с интеллектуальным читателем» [14. С. 248], а значит, представляет собой повествование, хотя — в отличие от художественного текста [15; 16; 17; 18] — и ограниченное в своих формах.

Внутренняя связь элементов повествования, их взаимодействие и общая смысловая направленность, выражая особое освещение события, особую точку зрения на него, станут проявлением образа автора. Образ автора будет проявляться и в смене типов повествования.

В системе типов повествования в художественном тексте отчетливо противопоставлены повествование от первого лица и повествование от третьего лица [19. С. 64]. Они различаются способом изложения, характером образа повествователя и, соответственно, особенностями проявления таких признаков, как субъективность/объективность, достоверность/недостоверность, ограничение изображаемого пространственно-временной точкой зрения повествователя/отсутствие этого ограничения [20]. «Типы повествования в больших эпических построениях вступают в разнообразные сочетания друг с другом, создавая сложную неоднородную систему текста» [21. С. 107].

Для стереотипного научного текста характерна безличностная форма изложения или иллюзорно личностное обобщающее *мы*. Если оставаться на позициях классической рациональности и полагать, что субъект познания отвлечен от объекта познания и безучастно вырабатывает и систематизирует объективные знания о мире, безличность будет восприниматься как показатель объективности. Однако понимание того, что получение объективного знания об объекте определяется разработкой (и/или выбором) методов и методик исследования, объяснением хода познавательной деятельности и уточнением собственно научных и общественных ценностей, делает все бо-

лее и более возможной организацию научного текста от первого лица единственного числа. Какие же функции выполняет этот тип повествования в сочинении В.О. Ключевского? Будет ли он использоваться, чтобы, как принято считать, заинтересовать читателя или подчеркнуть субъективность в изложении событий?

Анализ содержания, которое вводится повествованием от первого лица единственного числа, проясняет функцию этого типа повествования: так осуществляется выход на методологию исследования и разработанный и примененный ученым исследовательский метод. «И так как диалектика непременно предполагает тех, кто переговаривается, кто разговаривает, то методологическому Я соответствует методологическое же Мы и другие методологические *personae dramaticae dialecticae*. Ими-то и осуществляется некое *dia-*, пере-, раз-, т.е. методологическая среда, которая сливается с объектом свои личные энергии» [22. С. 825].

Научный метод, который можно сформулировать как сложное разнонаправленное сравнение, осуществляемое по двум осям — пространственной и временной, находит выражение в высказываниях, вводимых местоимением *я*.

Реформаторская деятельность Петра I рассматривается в трех аспектах:

«1. Что дала Петру дореформенная Россия; 2. Что он взял у Западной Европы; 3. Что оставил России, им преобразованной, точнее, что после него сделали из его дела, — вот три части, на которые распадается общий вопрос о значении реформы» [23. С. 658].

В центре рассмотрения оказывается не состояние дел, синхронное времени правления Петра I, а прошлое, питающее реформу, и будущее, искажившее замысел реформатора: дореформенная Россия (что дала Петру?), послереформенная Россия — как трансформировали реформу после смерти реформатора?

Важны для прояснения научного метода, в котором проявляется образ исследователя, и выделенные автором источники реформы: дореформенная Россия и Западная Европа, один из которых (*дореформенная Россия*) выступает как инициатор события (*дает*), а другой (*Западная Европа*) как пассивный объект, претерпевающий на себе действие субъекта: *Петр взял у Западной Европы*.

Реплика *«обращаюсь к третьей части вопроса»* [23. С. 665] возвращает слушателей и читателей к неявно сформулированному методу, свидетельствуя о значимости метода для автора.

Вводя формой первого лица единственного числа тему обсуждения (именно эту, а не иную), ограничивая ее рассмотрение той иной стороной вопроса или выстраивая порядок (по сути — иерархию) рассмотрения разных аспектов, исследователь проявляет себя как сознательно действующий субъект познания.

Образ исследователя проявится не только в методе, но и в отборе тем, и в ракурсе их изображения: «В подборе фактов и будет указание, как их понимать» [24. С. 104].

«Отлагая вопрос о финансовом значении подушной подати до чтения о финансовой реформе Петра, скажу теперь о ее социальном и народнохозяйственном действии» [25. С. 598], — в этом высказывании из реформ, инициированных Петром I, авторским я (личным окончанием глагола, отсылающим к инициатору действия) выделяется *реформа подушной подати*, разграничиваются направления влияния этой реформы и выстраивается иерархия этих направлений — социальное значение, народнохозяйственное и финансовое.

На первое место ставится *социальное действие*, ‘то, что влияет на общество’, Рассмотрение финансового значения *отлагается* — ‘переносится на более поздний срок’ [26. Т. 8. С. 1438]. Отлагая рассмотрение финансового значения подушной подати, автор уточняет приоритетные ракурсы анализа — влияние подушной подати на общество и на народное хозяйство.

Я — открытое проявление личной воли автора, хотя бы и сделанное в мягкой форме. *Я* ограничивает рассмотрение ученым преобразовательных мер Петра I:

«Я сделал далеко не полный очерк преобразовательной деятельности Петра, не коснулся ни мер по общественному благоустройству и народному образованию, ни перемен в понятиях и нравах. Эти меры и перемены или не входили в круг прямых задач реформы, или не успели обнаружить своего действия при жизни преобразователя, или, наконец, почувствовались только некоторыми классами общества» [23. С. 652].

Таким образом автор подчеркивает принцип отбора реформ, которые он анализирует: из всех реформ были отобраны те, которые входили в круг прямых задач преобразователя, обнаружили свое действие уже при жизни Петра I, затронули все классы общества. Важен и критерий конечной оценки реформ, который формулирует ученый, — соотнесение *исходного момента* и *конечной цели реформы*:

«Я говорил, что реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор ее [реформы] фактами, которые, вытекая из этого двойственного ее значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всем народе» [23. С. 652].

Отлагая рассмотрение какого бы то ни было вопроса или свидетельствуя о нарушении педагогического правила (*не повергать* слушателей в ‘мрачное, подавленное состояние духа; чувство гнетущей тоски, печали, скуки’ [23. С. 684]), автор актуализирует значимость того, о чем он будет говорить в первую очередь. В расстановке этих приоритетов проявляется образ автора:

«Я решаюсь нарушить педагогическое правило не повергать своих слушателей в уныние, знакомя вас с некоторыми чертами инструкции морской академии, утвержденной Петром в 1715 г.» [23. С. 677].

Оценка учрежденной при Петре I морской академии содержится прежде всего в ссылке к инструкции самой академии. Исторический документ сам свидетельствует против себя — еще один способ проявления образа автора:

«Для унятия крика и бесчинства выбрать из Гвардии отставных добрых солдат, и быть им по человеку во всякой каморе во время учения, и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет безчинствовать, оным бить, не смотря какой бы он фамилии ни был, под жестким наказанием, кто поманит» [27. С. 176].

Я повествователя актуализирует вводимое им содержание, хотя внешне выполняет механическую функцию — ограничивает тему обсуждения, или отмечает завершение обсуждения, или возвращает к сказанному ранее:

• «Как в торговом доме основой союза служило родство, так в комиссионном складстве — доверие. **Не говорю об артелях, представляющих соединение капитала и труда.** Петр предоставил этим самородным союзам действовать как умеют, хотя и принимал их во внимание» [23. С. 607].

Заметим, что в этом высказывании автор использует понятия, содержание которых сегодня требует дополнительного раскрытия, но В.О. Ключевский оперирует ими как уже известными его слушателям и читателям: *торговый дом*, *комиссионное складство*, *артель*. Критерием разграничения этих понятий становится основание, по которому люди объединяются в сообщества: *торговый дом* основывается **на родстве**, *комиссионное складство* — объединение купцов, основанное **на доверии**, *артель* — группа лиц, объединившихся для **совместной работы** и имеющих **общий капитал**. Я автора проявляется и в строгости научного разграничения предпринимательских объединений, основанного на едином критерии, и в индивидуально авторской характеристике артелей как *самородных союзов*.

— «Наконец я кончил обзор реформ в управлении. Он мог бы быть гораздо короче, но я не заботился о его сокращении» [25. С. 525].

— «Как вы припомните, я сделал оговорку, что оно не вполне выражается в явлениях, наблюдаемых в пределах жизни Петра, что в оценку его дела должны войти следствия реформы, обнаружившиеся по смерти преобразователя» [23. С. 665].

Припомнить — ‘приводить на память что-либо, напоминать о чем-либо’ [26. Т. 11. С. 686].

Оговорка — ‘разъяснительное замечание, поправка, дополнение к сказанному или написанному’ [26. Т. 8. С. 625]. Выражение *как вы припомните, я сделал оговорку* значимо в раскрытии образа автора: в оценке реформы преобразователя исследователь выводит на первый план следствия реформы, продолжавшие после смерти Петра I. В этом критерии оценки — научное кредо автора.

• «Излагая народные толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежесдневного кругозора» [23. С. 689].

«Научные тексты не безличны, хотя степень их личностности значительно варьируется и зависит от целого ряда факторов» [28. С. 191]. Личность проявляется и в прямых свидетельствах автора о своем волеизъявлении

нии (*я указывал, я кончил обзор, я ограничивал...*), и в безличностных формах представления содержания. Однако внешние формы проявления личности не свидетельствуют о степени ее проявления. Механические принципы оценки не работают.

Так, степень личностности определяется не фактом появления *я* как субъекта речи, а соотношением *я* с тем содержанием, которое это *я* вводит. Авторское *я* в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» становится показателем неявно сформулированного научного метода, представляя собой ключ к раскрытию образа автора как образа исследователя.

Средства выразительности в научном тексте как проявление образа автора

Образ автора научного текста проясняется и в использованных средствах выразительности [см также: 29. С. 112; 30. С. 142].

Резко отрицательное отношение к порядкам, принятым в созданной в 1715 году указом Петра I Морской академии, закрепляется в труде В.О. Ключевского подчеркнуто объективно: в отобранных для цитирования фрагментах Устава академии троекратно повторяется основной стимул всех действий воспитанников академии — *наказание*: «*Морская гвардия, как называются воспитанники академии, ежедневно ранним утром собирается в зале для молитвы, прося господ бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, под наказанием. Затем каждый должен сесть на свое место «без всякой конфузии, не досаждая друг другу, под наказанием. Ученики должны слушать, чему их будут учить профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, под наказанием*» [23. С. 677]. Если соотнести стимул с действиями, к которым он побуждает, прояснится абсурдное несоответствие добродетельного действия и насильственного способа побуждения к нему: собираться для молитвы; просить Бога о милости, о благополучии, о здравии; не мешать другу; учиться; уважать профессоров — и все под страхом наказания.

Образ автора проявится и в противопоставлении номинаций, обозначающих один денотат: *морская гвардия — воспитанники академии*, делающие все под страхом наказания.

Принцип отбора фактов (достоверных фактов!) и способ их закрепления в тексте отражают и историческую действительность, и «изобразителя». Реконструкция и структура образа автора, проявляющегося в не прямой оценке исторической личности и исторических фактов и событий, часто много сложнее, чем реконструкция и структура образа автора, проявляющегося в прямых оценках, характерных, например, для С.М. Соловьева: «...мы имеем полное право назвать [Петра I] величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации. Петр не был вовсе славолюбцем-завоевателем и в этом явился полным представителем своего народа» [31. С. 483].

Однако далеко не всегда прямая оценка вводит шаблонные или примитивно пропагандистские смыслы:

«В учебном ведомстве создавалась атмосфера, чуждая и даже враждебная науке <...>. Школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя и помогла выработать среди своих питомцев своеобразную форму противодействия — побег, примитивный, еще не усовершенствованный способ борьбы школяров со своей школой» [23. С. 677].

Эпоха правления Петра I раскрывается через актуализацию несовместного: учебное ведомство — атмосфера, чуждая и даже враждебная науке, воспитание — дрессировка, юношество — звери. Такая школа могла только отталкивать, то есть ‘внушать неприязнь, отвращение к себе’ [26. Т. 8. С. 1641], и выработала пассивную форму противодействия, борьбы с собой — побег.

Образ автора раскрывается не только в неодобрении основанного на насилии устройства Морской академии, но и в интеллектуальном способе выражения этого неодобрения и в исторической аргументации как объективной обоснованности позиции ученого.

Прояснение характера и способов научной аргументации, формирующих историческую оценку того или иного исторического факта, выводит нас на категорию образа автора исторического сочинения и проясняет личную оценку ученым исторических лиц и их деяний.

Содержательная плотность текста обеспечивается высокой концентрацией экспрессивных средств выражения, позволяющих экономно выразить сложную мысль. Смена точек зрения в пределах лаконичного высказывания без изменения грамматического агенса жестко сталкивает непримиримые оценки одного и того же события:

«Смотря на свои преобразования как на служение государственному интересу, всенародной пользе, Петр I принес в жертву этому верховному закону своего сына. Печальным концом царевича вызван был Устав 5 февраля 1722 г. о престолонаследии <...>. Устав в свое оправдание ссылается на пример великого князя Ивана III, который произвольно распорядился престолонаследием, сперва назначив преемником внука, а потом сына» [23. С. 658].

Петр (позиция Петра) смотрит на свои преобразования как на служение государству и всенародную пользу;

Петр (позиция автора текста) приносит в жертву этим своим взглядам своего сына, то есть ‘бросает в беде, дает погибнуть, предает’ [32] своего сына.

Обнажается несовместность идеи служения государству и всенародной пользе и предательства сына.

Следующее высказывание не только свидетельствует о причинах появления Устава 5 февраля 1722 года «О наследии престола», в котором Петр I отменял обычай передавать престол прямым потомкам по мужской линии и предусматривал назначение наследника по воле монарха, но выражает и формирует у слушателей и читателей сочувствие к трагической судьбе по-

гибшего в Петропавловской крепости царевича Алексея — *печальный конец царевича*.

Безусловно значимо, что, хотя Устав написан от имени Петра I — «Мы Петр Первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая объявляем...», В.О. Ключевский, пишет «*Устав в свое оправдание ссылается*», а не «*Петр в свое оправдание ссылается*». Так достигается противопоставление воли Петра, которой самодержец сообщил статус закона, частному произволу князя Ивана III. Устав сам освобождает себя от вины: «в свое освобождение от вины» (*в оправдание*) ссылается. Узаконивается освобождение от вины.

Ссылка на исторические документы может носить характер прямого цитирования отобранных фрагментов (цитирование Устава Морской академии) или компрессии исторического текста (Устав о наследии престола), которая не выделяется из общего рассуждения автора. Способ отсылки к историческому документу как проявление личной воли автора текста оказывается существенным для реконструкции образа автора этого текста.

Чтение сочинения В.О. Ключевского требует напряженного внимания к сложной форме выражения мысли. Диалогичность как внутренняя насыщенность конфликтными смыслами, столкновением позиций определяет едва ли не каждое высказывание «Истории России». Характеризуя отношение Петра I к Западной Европе, историк пишет: «...он *не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство*» [23. С. 660]. Схематичное многократно воспроизводимое представление о восторженном отношении Петра I к Европе (*питал к Европе слепое, нежное пристрастие, мечтал о задушевных отношениях Европы к России...*) через отрицание и утверждение обратного вступает в этом высказывании в диалогичные отношения со взвешенной оценкой сложного отношения Петра I к Европе: *слепое и нежное пристрастие — трезвое недоверие; задушевные отношения России с Европой — пренебрежение и недоброжелательство к России со стороны Европы*.

Мысль историка часто строится как преодоление существующих стереотипов в понимании истории и оценке исторических лиц.

Внимание к восприятию исторических событий и политических деятелей их современниками позволяет ученому создать психологический портрет эпохи, но и в этот портрет как в объективацию коллективного сознания входит прямо и опосредованно я создателя текста: *Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложались на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве. Излагая народные*

толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, **далекие от их ежедневного кругозора. Но странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра** [23. С. 689]. В многократном семантическом повторе *непривычный — неожиданный — невиданный — неиспытанный — странный — возбуждающий всеобщее внимание — далекий от ежедневного кругозора*, усиленных наречиями и местоимениями *столько, так, такие*, проявляется образ автора. Голос автора слышен в глаголе *твориться*. *Творится* обычно ‘что-то неладное, недоброе, невообразимое’ [26. Т. 15. С. 175]. То, что новое, является и недобрым, и невообразимым.

Новизна деятельности Петра абсолютная и неприятно удивляющая всех.

Итоговая характеристика реформаторской деятельности Петра I в области государственного управления, основанная на оценке ее результатов, которые проявятся после Петра, оформляется в диалогическом противостоянии официальным стереотипам:

«Наконец я кончил обзор реформ в управлении... В этой отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные, скоропреходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках» [25. С. 525]. Священными заветами великого преобразователя будут именоваться *преобразовательные неудачи, хронический недуг* российской жизни, *правительственные ошибки, технические навыки, дурные привычки* последующих правителей. Семантические повторы, закрепляющие мысль историка лексически (*хронический, повторяться, навыки, привычки*), и не лексически выраженные смыслы (в этом случае *лицемерие, лживость* российской власти) крайне значимы для реконструкции образа автора.

Заключение

Предметный и объективный способ рассмотрения мира отличает науку от других способов познания. Но познание невозможно без познающего субъекта. Занятие наукой формирует или должно формировать особый тип личности, нацеленной на непрерываемый поиск истины, на объективность научного познания, не допускающей искажения истины в угоду личным, социальным или политическим целям. Образ автора научного текста — образ исследователя, который не лежит на поверхности, а требует выведения. Реконструкция образа автора научного текста выведет на принцип организации научного текста как целого, диктуемый ценностными идеалами ученого, методологическими и этическими.

Образ автора научного текста проявится в выборе метода, в аргументации этого выбора и результатах его применения, в принципе отбора материала, в иерархии выстраиваемых вопросов, в способах и тщательности закрепления смыслов.

В сочинении В.О. Ключевского «Русская история» научный метод реконструируется через соотнесение авторского я с вводимым этим я содержанием. Реконструкция научного метода станет ключом к раскрытию образа автора как образа исследователя. Определение способов актуализации смыслов и реконструкция актуализированных смыслов выведет на ценностную составляющую образа автора: невозможность достижения благих целей неблагими средствами.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961.
2. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М.: Русский язык, 1988.
5. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
6. *Виноградов В.В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
7. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Художественная литература, 1959.
8. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
9. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: изд-во РУДН, 2001.
10. *Валентинова О.И.* Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянских культур, 2016.
11. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959.
12. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 4. М.: Художественная литература, 1979.
13. *Сыромятников Б.И.* В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912.
14. *Новикова М.Л.* Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: Монография. М.: изд-во РУДН, 2005.
15. *Успенский Б.А.* Поэтика Композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.
16. *Корман Б.О.* Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М.: Наука, 1971.
17. *Орлова Е.И.* Образ автора в литературном произведении. М.: Флинта, 2008.
18. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
19. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. Научные редакторы и составители д.ф.н. И.П. Ильин, к.ф.н. Е.А. Цурганова. М.: Интрада–ИНИОН, 1996.
20. *Анатольева Н.Н.* Филологический анализ текста. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=135271&p=28> (дата обращения 15.04.2020).

21. *Кожевникова Н.А.* О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопросы языкознания. 1985. по 4. С. 104—114.
22. *Флоренский П.А.* Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине» [М., 1912], сказанное 19 мая 1914 г. // П.А. Флоренский. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
23. *Ключевский В.О.* Русская история. М.: ЭКСМО, 2017.
24. *Достоевский Ф.М.* Бесы: Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л., 1974.
25. *Ключевский В.О.* Русская история: полный курс лекции. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
26. Словарь современного русского литературного языка. В 17-х тт. (БАС) // Под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948—1965.
27. Полное собрание законов Российской империи 1713—1719. СПб. 1830. Т.5. № 2937.
28. *Баженова Е.А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.
29. *Новикова М.Л.* Поэтика остранения. Словесный образ в культурно-историческом пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. по 2. С. 110—120.
30. *Достоевский Ф.М.* в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990.
31. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга IX. Начало 20-х годов XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://booksafe.net/read/solove1xxxv_sergey-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2 (дата обращения 20.03.2020).
32. Толковый словарь живого великорусского языка Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/dal_vladimir/tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html#0 (дата обращения 20.03.2020).

References

1. Vinogradov, V.V. (1961). *Problem of authorship and theory of styles*. Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).
2. Florensky, P.A. (1993). *Analysis of spatial and time in artistic and visual works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
3. Bahtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (1988). *Art text and its analysis*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
5. Vinogradov, V.V. (1971). *About art speech theory*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
6. Vinogradov, V.V. (1958). *Science on the language of fiction and its tasks*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
7. Vinogradov, V.V. (1959). *On the language of fiction*. Moscow: Art Literature. (In Russ.).
8. Vinogradov, V.V. (1980). *Selected works*. About the language of artistic prose. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. 2. Esthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN. (In Russ.).
10. Valentinova, O.I. (2016). System approach to text and style research: justification of causal typology of texts In *O.I. Valentine, V.N. Denisenko, S.Y. Preobrazhenskiy, M.A. Rybakov. Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
11. Vinokur, G.O. (1959). *Selected works in Russian language*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House. (In Russ.).
12. Belinsky, V.G. (1979). *Collection of works in nine volumes*. Volume 4. Moscow: Hudojstvennaja literatura. (In Russ.).

13. Syromyatnikov, B.I. (1912). V.O. Klyuchevsky and B.N. Chicherin In *V.O. Klyuchevsky Characteristics and Memories*. Moscow: Nauchnoe slovo. (In Russ.).
14. Novikova, M.L. (2005). *Ostranization as the basis of the figurative language semantics and structure of the artistic text: Monograph*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
15. Uspenskiy, B.A. (1970). *Poetics Compositions. Structure of artistic text and typology of compositional form*. Moscow: Art. (In Russ.).
16. Korman, B.O. (1971). Results and prospects of studying the problem of the author In *Page of the history of Russian literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Orlova, E.I. (2008). *The image of the author in the literary work*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
18. Valgina, N.S. (2003). *Theory of text*. Moscow: Logos. (In Russ.).
19. Modern foreign literary criticism (countries of Western Europe and the USA): concepts, schools, terms. (1996). Encyclopedic reference book, I.P. Illin, E.A. Zurganov (eds.) Moscow: Intrada—INION. (In Russ.).
20. Anatolyeva, N.N. Philological analysis of the text. Manual. P. 28. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=135271&p=28> (accessed: 15.04.2020). (In Russ.).
21. Kozhevnikov, N.A. (1985). On the Ratio of Narrative Types in Artistic Texts. *Topics in the study of language*, 4, 104—114. (In Russ.).
22. Florensky, P.A. (1990). The opening statement before the protection for the master's degree of the book "On spiritual truth" [Moscow, 1912], said May 19, 1914 In *P.A. Florenskiy Pillar and the statement of truth*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
23. Klyuchevsky, V.O. (2017). *Russian history*. Moscow: EXMO. (In Russ.).
24. Dostoyevsky, F.M. (1974). Besa: Head of "At Tihon." Handwritten editions In *Dostoyevsky F.M. Complete collection essays: in 30 vol.* Vol. 11. Leningrad. (In Russ.).
25. Klyuchevsky, V.O. (2004). *Russian history: full course of lecture*. Moscow: OLMA-PRESS Education. (In Russ.).
26. The dictionary of modern Russian literary language. (1948—1965). In 17-th. (BAS), V.I. Chernyshyova (Ed.). Moscow; Leningrad: publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
27. The complete collection of laws of the Russian Empire 1713—1719. (1830). Vol. 5. No. 2937. St. Petersburg. (In Russ.).
28. Bazhenova, E.A. (2001). Scientific text in the aspect of politicization. Perm: Publishing house of the Perm university. (In Russ.).
29. Novikova, M.L. (2013). Poetics cutting. Verbal image in cultural and historical space. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2, 110—120. (In Russ.).
30. Dostoyevsky, F.M. (1990). In memories of contemporaries: In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Art Literature. (In Russ.).
31. Solovyev, S.M. History of Russia from ancient times. Book IX. Early 20s 18th century [Electronic resource]. URL: [https:// bookscafe.net/read/solove1xxxv_serгей-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2](https://bookscafe.net/read/solove1xxxv_serгей-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2) (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).
32. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/read/dal_vladimir/tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html#0 (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель программы научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки». Сфера научных интересов: системная лингвистика, филологическая герменевтика, история литературного языка, история и теория поэтического языка; e-mail: valentinova-oi@rudn.ru.

Ван Лэлэ — аспирантка первого курса РУДН кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов*: филологическая герменевтика. *e-mail*: 2514751775@qq.com.

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, DSc in Philology, Full Professor, Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), head of the scientific training program "General and specific methodology of philological science". Her *research interests* include systemic linguistics, philological hermeneutics, history of the literary language, history and theory of poetic language; *e-mail*: valentinova-oi@rudn.ru.

Wang Lele, PhD student in General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia. Her *research interests* include philological hermeneutics; *e-mail*: 2514751775@qq.com.